

ВИЗУАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТОВ В КНИЖНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

С. С. Соковиков¹, О. Н. Зайкова²

¹Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Российская Федерация

²Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Художник, работающий над созданием книжных иллюстраций, во многом выполняет для читателя функцию визуально-изобразительной интерпретации литературного текста. Основой этой интерпретации оказывается формирование собственного надтекста, который создается им через выявление и понимание подтекста, заложенного автором. На процесс создания художником иллюстраций к литературным произведениям влияет целый спектр социокультурных контекстов. Статья посвящена выявлению спектра историко-культурных обстоятельств, которые влияют на создание книжных иллюстраций. Помимо общесоциальных условий на этот процесс накладывают отпечаток и более локальные контексты разного характера: политические, экономические, художественные, которые так или иначе находят отражение и воплощение в артефактах визуальной культуры. Влияние и локальных, и общесоциальных контекстов формируют своеобразные проекции в тексты иллюстраций, которые оказывают непосредственное влияние на стилистические особенности визуальных решений художников-иллюстраторов. Однако вариативность стилистических особенностей визуальных решений не устраняет универсальности механизма контекстуальной обусловленности искусства книжной иллюстрации. Этот механизм включает действие синхронных и диахронных линий влияния, формирует в отдельном проекте иллюстрации сложное, но тем не менее возникающее вполне закономерно пересечение контекстов разного рода и уровня. Видение, понимание и оценка читателем и ценителем художественного произведения такого «контекстуального поля» позволяет ему не только лучше понимать смысл и историко-культурный контекст художественного произведения, но более точно оценивать значение явлений искусства книжной иллюстрации как в актуальном культурном времени, так и в исторической перспективе.

Книжные иллюстрации прямо и косвенно отражают визуальные и словесные аспекты, современные культурные процессы и одновременно – явления исторического прошлого. С одной стороны, художник находится под влиянием актуальных ситуаций культуры, однако, находясь в поисках выразительных средств, он довольно часто обращается к стилистикам других эпох, историческому прошлому и его визуальным воплощениям. Таким образом, результатом иллюстрирования оказывается взаимодействие культурных контекстов как в синхронном, так и в диахронном плане.

Ключевые слова: социально-культурные контексты, культурно-историческое прошлое, визуальные артефакты, визуальная культура, визуальная среда, визуальные образы, визуально-зрелищная культура, книжные иллюстрации.

Введение

Полнота понимания художественных текстов при их восприятии оказывается проблематичной без учета спектра историко-культурных контекстов, определяющих процессы замысла и воплощения артефактов. Сложность возрастает при переводе содержания таких текстов на язык других видов художественной деятельности, что в полной мере относится к искусству книжной иллюстрации. Под историко-культурными контекстами понимается совокупность социокультурных обстоятельств, определяющих содержание, форму выражения и особенности функционирования конкретных культурных явлений. Поскольку книжные иллюстрации представляют собой визуальные артефакты, они в полной мере относятся к сфере визуальной культуры и, соответственно, определяются визуальными контекстами. Вместе с тем книжные иллюстрации демонстрируют важнейшее

свойство этой культуры: формирование визуально-зрелищных образов и оперирование ими. В свою очередь зрелище не сводимо к чистой визуальности и включает совокупность выразительных средств, определяемых более общими социокультурными контекстами. Исходя из этого, контекстуальное поле книжных иллюстраций можно в самом общем виде представить следующим образом: общекультурные состояния и явления – содержательные и выразительные характеристики визуально-зрелищной культуры – внутренняя визуальность литературных текстов – особенности творческого почерка художника-иллюстратора. Динамично взаимодействуя, в иллюстрации прямо или опосредованно находят отражение визуальные и словесные аспекты, социальные и художественные ситуации, современные культурные процессы и явления исторического прошлого. Однако эти аспекты опосредованы образным мышлением,

их понимание требует особой культуры «чтения». Основу подобной «грамотности» составляет внятное представление о совокупности историко-культурных контекстов, специфичности их проявлений. Характеристика такого круга факторов интертекстуального художественного творчества и выступает целью данной статьи.

Обзор литературы

Аспекты проблемы контекстуальной обусловленности книжной иллюстрации затрагивалась в различных публикациях. Попытки представить некую «философию иллюстрации» (И. В. Абдраштова и др.) чаще всего ведут к абстрагированию от сложной картины сочетания проекций контекстов в изобразительный текст. Более информативными представляются материалы, в которых рассматриваются ситуации контекстуального влияния на художественное решение отдельных социокультурных факторов: социально-политических, исторических, актуально-событийных, коммуникативных и т. д. (А. Е. Баженова, Е. В. Борщ, О. В. Кошкина, Г. Д. Махашвили, Ю. И. Арутюнян, А. А. Стригалёв, О. И. Самойлова и др.). Особого внимания заслуживают публикации, посвященные эволюции творческого почерка художников-иллюстраторов с отсылкой к обуславливающим этот процесс обстоятельствам разного рода (Д. Л. Лебедев, Д. А. Баранов и др.).

Целесообразно полагать, что относительно целостное представление о контекстуальной обусловленности книжной иллюстрации дает использование теоретических подходов «среднего уровня», сочетающих точность теоретических посылок с их проекциями на предметно воплощенные художественные тексты. В нашем случае своеобразным ключом может служить позиция немецкого исследователя Д. Бахманн-Медик. По ее мнению, контекстуальное видение позволяет обнаруживать изменение отношений в местах сочленений между литературными текстами, культурными конструкциями общего плана и формами их выразительности. Она подчеркивает, что «...литературные тексты находятся в сплетении взаимосвязей, в отношениях обмена и переговоров с прочими текстами, институтами, практиками и инстанциями кодирования» [1, с. 34]. В этом смысле книжная иллюстрация выступает весьма содержательным «местом сочленения» различных контекстов в силу наглядной предметности и образной выразительности.

Методы исследования

В процессе рассмотрения проблемы было использовано сочетание элементов историко-реконструктивного подхода, факторного анализа обстоятельств социокультурной среды литературного и изобразительного творчества, а также контекстологического анализа стилистических особенностей образного решения визуальных текстов книжных иллюстраций.

Результаты и дискуссия

В книжной графике прошлых веков отчетливо проявляется влияние общекультурных и главенст-

вующих эстетических контекстов в их динамичном сочетании. Так, во второй половине XVIII – начале XIX в. в книжных иллюстрациях доминируют классицистические черты. При этом в них можно уловить звучание барочных мотивов и ощутимые отзвуки прихотливой выразительности рококо.

Контекстуальные особенности культурного времени могут влиять не только на стилистику иллюстрации, но даже на своеобразное участие художника в сюжете литературного произведения. Речь идет о включении в визуальное изображение деталей, предметов и даже персонажей, не описанных в книжном тексте. Характеризуя ситуацию культуры чтения XVIII в., Е. В. Борщ отмечает некоторую поверхностную, «экстенсивную» манеру чтения книг, распространенную в эпоху Просвещения [2, с. 172]. Такая ситуация побуждает художников включать в пространство изображения дополнительные, не означенные в литературном сюжете персонажи и предметы с соответствующими историческому времени символическими значениями (шляпа, книга и пр.). Они выражали смысловые оттенки происходящего, визуально комментировали действие и даже принимали в нем участие, делая более понятными отношения и мотивы основных действующих лиц, тем самым усиливая эмоциональное воздействие на читателя / зрителя [2, с. 168–169].

Важно отметить, что такие смысловые и действенные аспекты содержания могли «вычитать» только люди определенного культурного времени, включавшего соответствующие семантические коды. Вместе с тем стиливое воздействие подобных контекстов работает не только в относительно синхронном временном ракурсе: контекстуальное поле иллюстрирования включает взаимодействие культурных контекстов как в синхронном, так и в диахронном плане.

Чаще всего контекстуальное влияние на деятельность иллюстратора рассматривается в его художественных аспектах. С этих позиций художнику предписывается «...оставаться в поле специфической среды художественного общения» [3, с. 8], а отражение в иллюстрациях представлений о мире писателя в полноте его визуальных воплощений (исторических костюмов (моды), архитектуры, интерьера, предметов обихода, видов оружия и т. п.) выглядит непреднамеренным [3, с. 15], то есть, по сути, несущественным. Однако представляется более точным видеть такое контекстуальное поле более широким и значимым, а обращение к нему – вполне целенаправленным и плодотворным. Анализ этого вопроса с позиций факторного подхода позволяет выявить круг внехудожественных контекстов, влияющих на творческое решение художника книги. Симптоматичным является пример работы Дмитрия Бисти над иллюстрациями к средневековой эпической

поэме «Песнь о Роланде» (рис. 1). Художник заинтересовался тем, как выглядела Европа в VII–VIII вв. в реальности. В поисках ответа он обратился к научно-историческим текстам и выяснил, что в это время население Европы составляло меньше миллиона человек, а в «легендарных» битвах часто сражалась какая-нибудь сотня воинов. Отсюда в воображении художника возник визуальный образ «муравьев на огромной пустой земле»: «Из этой образной сути родилась и пластика – тонкие ножки, муравьиный суетливый темп, родилась и ироническая графическая наполненность будущих офорт» [4, с. 30].

Рис. 1. Дмитрий Бисти. Иллюстрация к поэме «Песнь о Роланде» (1976 г.)

Fig. 1. Dmitry Bisti. Illustration for the poem «Song of Roland» (1976)

Понятно, что такое видение – это деконструирующий и несколько ироничный взгляд современного человека на «героические деяния прошлого», мотивированный, что примечательно, строго научными материалами.

Нет сомнений в том, что художественные проекции играют в процессах иллюстрирования важнейшую роль. Однако они тесным образом переплетаются и с другими социокультурными контекстами. Даже когда художник стремится не оппонировать, а как можно более точно следовать «духу времени», к которому относится сюжет литературного текста, он обращается к широкому кругу явлений, воплощаемых в визуально-зрелищных формах. Так, например, создавая иллюстрации к произведениям «галантного века», К. А. Сомов «...до такой степени вжился в эпоху “бисера и альбомов”, <...> что в его детально проработанных цветных иллюстрациях он, реально представляя себе минувшее, наслаждался бытом, костюмами, архитектурой и галантными манерами героев XVIII века» [5, с. 118]. Тем самым художник не стилизовал свои образные решения в духе «галантного» искусства, а рождал их, погружаясь в контекст визуальной культуры того времени в целом. Однако и современная художнику визуальная среда может служить источником изобра-

зительных решений, даже если не совпадает по времени с происходящим в литературном сюжете. Так, например, Кукрыниксы, создавая иллюстрации к рассказам А. П. Чехова, не только основательно знакомились с визуальной средой культурного времени писателя, изучая фотографии, быт, костюмы, интерьеры, но и искали прототипы чеховских персонажей, стремясь «...уловить во встречаемых в своем окружении или на улицах людей типические черты, схожие с героями литературного произведения» [6, с. 89].

Весьма своеобразным, но от этого не менее показательным примером влияния общей визуальной культуры на «зримый» образ литературного текста выступают «стихокартины», по сути, «автоиллюстрации» Василия Каменского начала XX в. Они представляли собой словесные тексты, исполненные на основе такой комбинаторной игры с буквами, шрифтами, композицией слов на плоскости листа, что в результате возникали визуальные образы как синтез графики, живописи и словесного творчества (рис. 2).

Рис. 2. Василий Каменский. «Железобетонная поэма «Тифлис» (1918 г.)

Fig. 2. Vasily Kamensky. «Reinforced concrete poem «Tiflis» (1918)

Такое необычное изобразительное решение было продиктовано контекстами реальной визуальной среды того времени. Как свидетельствует историк искусства А. А. Стригалев, В. Каменский в подобном литературно-визуальном творчестве «...явно вдохновлялся практикой массовых изданий, афиш, реклам, объявлений, прейскурантов, меню, визитных карточек и т. д., а также шрифтовыми вывесками, впечатлениями от фасадов торговых, зрелищных, производственных зданий, нередко сплошь закрытых рекламой, афишных тумб, информационных щитов – всей совокупности различных текстов и надписей, заполнявших реальную жизненную среду» [цит. по: 7, с. 132].

Следует учесть, что дело, конечно же, не ограничивается влиянием актуальных состояний визуальной среды. В культуре Новейшего времени возникают сложнейшие диахронные пересечения визуально-стилевых проекций, определяющих в итоге изобразительные решения художников-иллюстраторов. Ю. И. Арутюнян, анализируя воплощение образов Средневековья в современной

книжной графике, отмечает, с одной стороны, активное использование приемов стилизации, основанных на акцентировке средневековых (как правило, готических) мотивов, апеллирующих к стилистике книжной миниатюры, декоративно-прикладных артефактов, архитектуры того времени. С другой – в современных представлениях о средневековых образах заметно ощутимое влияние ренессансных традиций, неоготики XVIII в., «историзма» XIX в., искусства прерафаэлитов, стилистических решений времени модерна, немецкого экспрессионизма, а также других течений, обращавшихся к темам Средневековья в визуальных искусствах XX в. [8, с. 45]. Такое «многоголосье» вполне закономерно, если принять во внимание очень важное обстоятельство в соотношении словесно-повествовательного и визуальнo-зрелищного начал в культуре. В ситуации «обменов и переговоров» литературных текстов с визуальнo-зрелищными артефактами и практиками именно визуальнo-зрелищная образность (в широком, а не только художественном смысле) выступает прафеноменом литературного текста, в том числе – прямо или опосредованно предваряя и далее определяя его воплощение [9, с. 8–9].

Подобная образность, порожденная широким социокультурным контекстом, воспринимается писателем и находит воплощение во внутренней визуальности литературного текста. Это отражается, например, в своеобразных «автоиллюстрациях» – рисунках в писательских рукописях. Причем в этих случаях даже опосредованные контекстуальные отсылки не только вполне отчетливо «читаются», но и визуальнo представляют особенности личности и творчества литератора. Так, например, многочисленные рисунки Ф. М. Достоевского служили средством визуализации образа, поиском черт, которые можно найти в изображении и, переосмыслив, воплотить в словесном описании [10, с. 51]. Симптоматично выглядят часто повторяющиеся готические визуальные мотивы, в основном архитектурные элементы: стрельчатые арки, аркбутаны, витражи готических соборов (рис. 3).

Рис. 3. Ф. М. Достоевский. Лист из «Записной тетради» к роману «Бесы» (1871 г.)

Fig. 3. F. M. Dostoevsky. Sheet from the «Notebook» to the novel «Demons» (1871)

«Архитектурность» рисунков писателя неудивительна – он окончил Главное инженерное училище в Петербурге. А вот визуальная «готичность» в полной мере созвучна атмосфере многих его произведений: сочетания рвущегося ввысь стремления к недостижимой гармонии и в то же время ощущения мрачной, гнетущей реальности мира. Как справедливо отмечает Л. В. Сычева, готический стиль находит отражение в неоднозначных образах героев Достоевского, их идей, а «готика» точно передает особенности настроения того или иного произведения, его общие черты [10, с. 49–50].

В любом случае визуальность, заключенная в литературном тексте, выступает первичным контекстом и импульсом для художника-иллюстратора. Это вполне закономерно: содержание литературного произведения во многом определяется системой визуальных предпочтений писателя, исторически, социально и культурно обусловленными способами восприятия, отбора и оценивания им феноменов визуальной культуры [11, с. 128]. В этом смысле контекстуальный диапазон художника-иллюстратора можно полагать даже потенциально более широким: для создания оригинального творческого решения он волен обращаться к визуальнo-образным контекстам различных эпох и стилистик. При этом их влияние сказывается различным образом. В одних случаях складывается относительно целостный визуальный стиль, постоянно воспроизводящий черты определенных визуальных артефактов. В других – под воздействием различных культурных контекстов визуальная стилистика существенно варьируется.

Примером первой ситуации выступает творчество И. Я. Билибина, который стал широко известен как иллюстратор русских сказок и былин на рубеже XIX–XX вв. В это время в российском обществе активно формируется мифологема «русской народности» как существенная часть общенациональной идеи. Темы исторического прошлого, фольклора, простонародных традиций становятся актуальными в литературе, науке, общественно-политической сфере. Соответствующая такой мифологеме стилистика закономерно находит отражение в визуальной культуре. Мода на «русский стиль» охватывает разные круги общества, включая высшую аристократию, причем акцент в костюмах часто делался на времена допетровской, «настоящей» Руси. Этот стиль существенным образом определяет визуальную культуру того времени.

И. Я. Билибин живо откликнулся на подобные контекстуальные «сигналы». Для него местом, где еще можно воочию соприкоснуться со стариной, стал Русский Север с его бескрайними лесами, монастырями и скитами, шатровыми деревянными церквями, крестьянскими избами, разнообразными народными промыслами... Художник совершает

туда поездки, собирает богатые коллекции утвари и традиционной одежды. Визуальная среда Русского Севера становится для Билибина контекстом, определяющим стилистику его творчества, в первую очередь – в сфере книжной иллюстрации. Причем, воплощая в своих работах мифологизированный образ русской старины, Билибин неизменно точен в воспроизведении достоверных, этнографически выверенных деталей архитектуры, убранства, утвари, костюмов. Образы билибинских иллюстраций возникали на пересечении исторических, мифологических, общественно-политических и художественных контекстов (рис. 4).

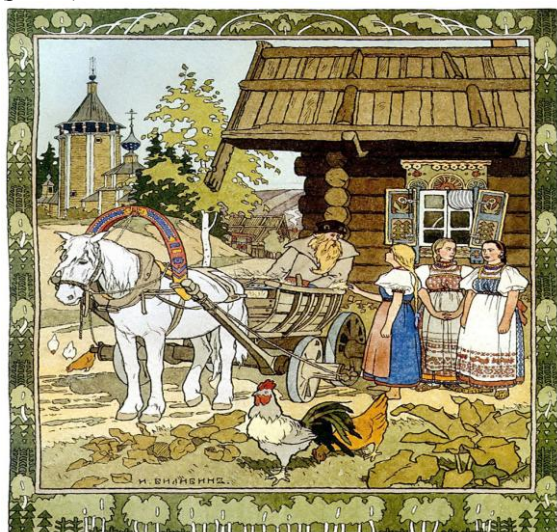

Рис. 4. И. Я. Билибин. Иллюстрация к сказке «Перышко Финиста Ясна-Сокола» (1900 г.)
Fig. 4. I. Ya. Bilibin. Illustration for the fairy tale «The Feather of Finist Jasna-Sokol» (1900)

Они оказались настолько убедительными, что в свою очередь породили специфичный контекст, содержащий визуальную «северорусскую» локализацию сказочности, более того: «...локальные черты севернорусской культуры – сарафан, изба, былинные герои – стали приобретать характер общенациональной марки, то есть превратились в символы всей русской культуры» [12, с. 86]. Можно утверждать, что не в последнюю очередь так произошло в силу целостности и выразительности изобразительного стиля И. Я. Билибина.

Ситуацию смены контекстуальных ориентиров как также вполне типичного случая в деятельности художников-иллюстраторов можно видеть на примере творчества Артура Рэкхема и Эдмунда Дюлака, работавших в первой половине XX в.

Визуальная манера А. Рэкхема несет несомненные следы влияния живописи прерафаэлитов и в то же время включена в контекст стилистики модерна. Однако в разные периоды в его работах сказывается воздействие и других контекстуальных

обстоятельств. Иллюстрации 1900-х гг. передают в деталях ландшафтов и интерьеров визуальную атмосферу елизаветинской эпохи. Увлечение немецким искусством в 1910-х гг. проявляется в работах Рэкхема как экспрессивный сплав романтизма и модерна со следами влияния прерафаэлитов. Это отчетливо представлено в двух циклах иллюстраций к «Кольцу нибелунгов» (1910–1911) (рис. 5).

Рис. 5. Артур Рэкхем. Иллюстрация к «Кольцу Нибелунгов» (1910–1911 гг.)
Fig. 5. Arthur Rackham. Illustration for the «Ring of the Nibelungen» (1910–1911)

Первая мировая война изменяет социокультурную ситуацию: в обществе возникают антигерманские настроения, наступает кризис сложных дорогостоящих изданий. Художник находит выход в обращении к технике силуэтной графики, создавая иллюстрации к народным и авторским сказкам. Показательно, что силуэтный рисунок был чрезвычайно популярен в конце XIX – начале XX в., причем интерес к нему включал стилистическую ассоциацию с другим временем его популярности – эпохой рококо XVIII в., в чем отчетливо видна своеобразная «перекличка» культурных контекстов.

Вместе с тем рост интереса к древним сказаниям и легендам приводит Рэкхема к изучению средневековых манускриптов. Там он, например, заимствует мотив дrolери – фантазийных композиций комического или демонического жанра, расположенных как бы «на полях» основного текста. Влияние средневековых визуальных контекстов проявляется в цикле его иллюстраций к «Ирландским чудным сказаниям» (1920). С середины 1920-х гг. под влиянием французских ориенталистских веяний в графике Рэкхем интересуется искусством Востока. Как следствие, визуальные черты ориентализма проявляются даже в графическом цикле к «Буре» Шекспира (1926) [13, с. 259] (рис. 6).

Рис. 6. Артур Рэкхем.
Иллюстрация к «Буре» Шекспира (1926 г.)
Fig. 6. Arthur Rackham.
Illustration for Shakespeare's The Tempest (1926)

Таким образом, в динамике творчества Рэкхема можно видеть действие целого спектра контекстов, идущих от актуальных социокультурных событий, авангардных художественных явлений, стилей исторического прошлого, состояний рынка книгопроизводства и др.

Во многом аналогично обстоит ситуация с деятельностью известного художника-иллюстратора Эдмунда Дюлака. В его работах также заметны мотивы восточного искусства. Причем иногда в них возникают причудливые пересечения визуальных контекстов. Так, в некоторых иллюстрациях к арабской «Книге тысячи и одной ночи» (1907) ощутимо влияние манеры изображения, присущей японской миниатюре (рис. 7), другие близки к стилю постимпрессионистов, третьи отчетливо являются стилистикой модерна.

Примечательно, что Дюлак живо реагировал на актуальные культурные события. В начале 1910-х гг. Лондон потрясли дягилевские «Русские сезоны». Яркой стилизацией в духе экзотики Востока стал балет «Шехерезада» с костюмами Л. Бакста. Знакомый с балетом и эскизами Бакста, представленными на выставке, Дюлак отразил свои впечатления в некоторых иллюстрациях к «Книге тысячи и одной ночи», особенно – в танцевальных сюжетах, передающих прихотливую гибкость движений, пластически созвучных хореографии Михаила Фокина в «Шехерезаде». Но, пожалуй, наиболее наглядно роль контекстов в творчестве Дюлака демонстрируют его работы к сборнику «Сказок союзных стран» (1916), где он, в зависимости от географии сюжетов, «...опирался то на японскую графику эпохи Эдо, то на русский лубок, то на стилистику различных стран и исторических периодов Западной Европы» [13, с. 120].

В то же время на иллюстрации оказывают контекстуальное воздействие такие художественные явления, как театр, цирк и особенно кинематограф с его особым визуальным режимом: динамикой изображения, сменой планов, монтажными

принципами композиции и пр. [14, с. 19]. Основы обновления выразительного языка художников-иллюстраторов стимулировались в первую очередь коренными социокультурными трансформациями: так, в отечественной книжной графике 1920-х гг. «...утверждалась новая роль экспрессивного высказывания в книге: прогрессивные социальные отношения побуждали рождение новых активных неклассических книжных форм» [15, с. 195].

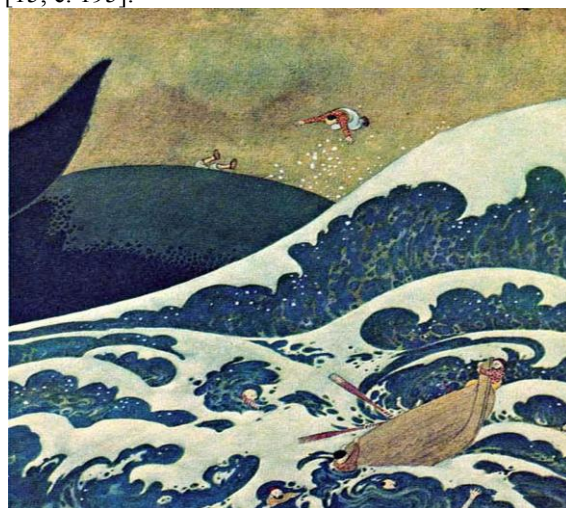

Рис. 7. Эдмунд Дюлак. Иллюстрация к арабской сказке «Синдбад-мореход» (1907 г.)
Fig. 7. Edmund Dulac. Illustration for the Arabian fairy tale «Sindbad the Sailor» (1907)

Однако в любом случае сутью визуально-изобразительной интерпретации литературного текста выступает «...создание собственного надтекста на основании выявления и понимания подтекста, заложенного автором высказывания» [16, с. 105 – выделено мной – С. С.], то есть, писателем. Однако и подтекст писателя, и надтекст художника возникают под влиянием совокупности социокультурных контекстов, в существенной мере определяющих их содержание и стилистику.

Примером этого может служить ситуация, сложившаяся в советском иллюстративном искусстве в 1950–1970-х гг. В это время развитие авангардных художественных явлений сопровождалось цензурными ограничениями. Поэтому многие художники-авангардисты (Ю. Соостер, Ю. Васильев, Э. Булатов, И. Кабаков и др.) видели выход в обращении к сфере книжных иллюстраций. Она давала возможность неплохих заработков и в то же время в определенных ее локусах цензура была существенно мягче, допуская большую свободу творчества. Нельзя сбрасывать со счетов и такие факторы, как частичная реабилитация в это время русского авангарда и постепенный рост влияния «западной» художественной культуры. В определенной мере поворот книжной иллюстрации к более экспрессивным и остро выразительным решениям, к использованию лубочных,

футуристических и иных черт был аналогичен ситуации 1920-х годов [17, с. 172–174]. Даже в иллюстрациях к детской литературе художники активно использовали стилистику авангардных направлений: футуризма, сюрреализма и др., – «не дозволенную» в официальном искусстве [18, с. 107] (рис. 8, 9).

Рис. 8. Виктор Пивоваров. Логотип журнала «Весёлые картинки» (1979 г.)

Fig. 8. Viktor Pivovarov. Logo of the magazine «Funny Pictures» (1979)

Другим локусом, в котором подобные стилистические «вольности» были вполне уместны, являлись научно-популярные издания и научная фантастика (рис. 10). Наука представлялась несколько футуристичной, трудно визуализируемой сферой, в которой «...допустимы фантазия и эксперименты со стилем» [18, с. 108]. Стоит отметить, что благодаря иллюстрациям в огромных тиражах «детских» и научно-популярных изданий творчество художников-авангардистов обрело многомиллионную аудиторию и широчайшую популярность.

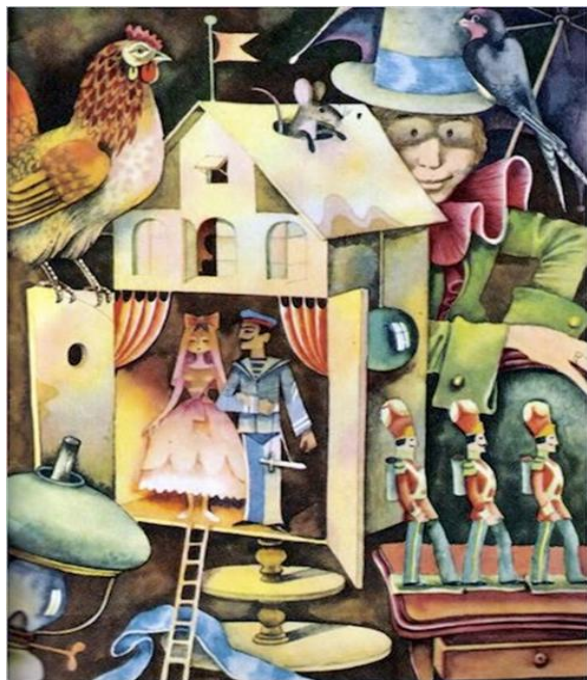

Рис. 9. Виктор Пивоваров. Иллюстрация к сказке «Оле-Лукойе» (1971 г.)
Fig. 9. Viktor Pivovarov.

Illustration for the fairy tale «Ole-Lukkoie» (1971)

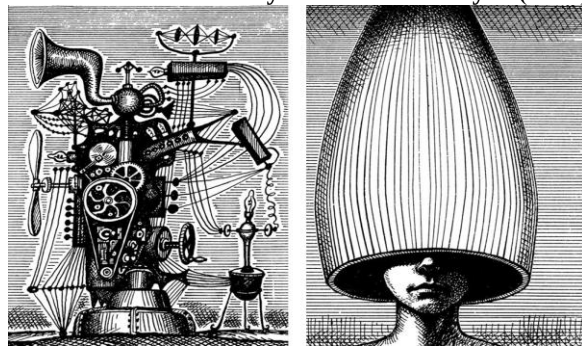

Рис. 10. Юло Соостер. Иллюстрации к книге А. Азимова «Путь марсиан» (1966 г.)

Fig. 10. Hulot Sooster. Illustrations for the book by A. Azimov «The Way of the Martians» (1966)

Некоторые художники невысоко оценивали свои «иллюстративные» работы. Однако несомненно отчетливая концептуальная и стилистическая связь между их книжной и «некнижной» деятельностью, которая «...обогастила как иллюстрацию – новыми подходами и методами, так и неофициальное искусство» [18, с. 115]. Так, например, рисунки Ильи Кабакова в «Мурзилке» и «Веселых картинках», которые сам автор объявлял «подделками», знаменитый художник-иллюстратор Виктор Чижиков считает более интересными, чем работы И. Кабакова в его «серьезных» концептуальных альбомах [18, с. 111, 114] (рис. 11).

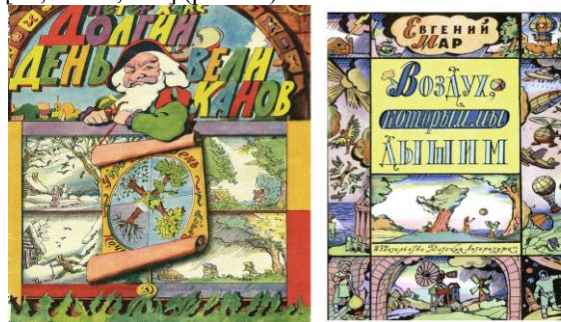

Рис. 11. Илья Кабаков. Обложки к книгам «Долгий день великана» (1970 г.) и «Воздух, которым мы дышим» (1972 г.)

Fig. 11 Ilya Kabakov. Covers for The Long Day of the Giant (1970) and The Air We Breathe (1972)

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что создание иллюстраций к литературным текстам происходит под влиянием спектра социокультурных контекстов. К ним относятся как общесоциальные обстоятельства, так и более локальные контексты разного характера: политические, экономические, художественные и др., так или иначе находящие воплощение в артефактах визуальной культуры. Их влияние образует своеобразные проекции в тексты иллюстраций, определяющие стилистические особенности визуальных решений. Вариативность последних не снимает универсальности механизма контекстуальной обусловленности.

сти искусства книжной иллюстрации. Он, включая действие синхронных и диахронных линий влияния, создает в каждом конкретном случае сложное, но тем не менее возникающее вполне закономерно пересечение контекстов разного рода и уровня. Понимание подобного «контекстуального поля» позволяет более точно оценить значение явлений искусства книжной иллюстрации как в актуальном культурном времени, так и в исторической перспективе. Таким образом, книжные иллюстрации представляют собой существенно более информативные тексты культуры, чем это видится на первый взгляд.

Литература

1. Бахманн-Медик, Д. Режимы текстуальности в литературоведении и культурологии: вызовы, границы, перспективы / Д. Бахманн-Медик ; пер. с нем. К. Бандуровского // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 1. – С. 32–48.
2. Борщ, Е. В. Приемы визуальной интерпретации литературного текста во французской книжной иллюстрации XVIII века / Е. В. Борщ // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». – 2009. – № 10(148). Вып. 30. – С. 168–173.
3. Абдрашитова, И. В. Прологомены к философии иллюстрации / И. В. Абдрашитова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2015. – № 3. – С. 5–19.
4. Махашвили, Г. Д. Проблема целостного взаимодействия содержания литературного текста и визуального образа книги на примере книжной графики Д. С. Бисти / Г. Д. Махашвили // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2008. – № 6. – С. 125–133.
5. Ржевская, Е. А. Книжная графика К. А. Сомова парижского периода в контексте европейски изданий / Е. А. Ржевская // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. – 2011. – № 2 – С. 113–125.
6. Иванова, О. Г. Актуальность воссоздания творческого метода художников-графиков XX века в современной иллюстрации / О. Г. Иванова // The progressive researches science & genesis. – 2014. – № 1. – С. 84–90.
7. Казакова, С. Самореклама Василия Каменского / С. Казакова // МедиаАльманах. – 2017. – № 3(80). – С. 130–139.

8. Арутюнян, Ю. И. Образы Средневековья в отечественной книжной графике последней четверти XX–XXI веков / Ю. И. Арутюнян // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. – 2019. – № 1. – С. 44–52.

9. Соколов, С. С. Показ и рассказ: о взаимодействии визуально-зрелищных образов и литературного текста / С. С. Соколов // Культурный код. – 2020. – № 2. – С. 7–16.

10. Сычева, Л. В. Графика Достоевского как средство визуализации образа / Л. В. Сычева, М. В. Саратова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2019. – № 2(33). – С. 48–53.

11. Абашев, В. В. «Для меня это предмет особо влекущий...»: о визуальном воображении Павла Бажова / В. В. Абашев, М. П. Абашева // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 22, № 2(198). – С. 126–137.

12. Баранов, Д. А. Особенности хронотопа сказочного мира в творчестве И. Билибина / Д. А. Баранов // Кунсткамера. – 2019. – № 1(3). – С. 83–93.

13. Лебедев, Д. Л. Книжная графика Эдмунда Дюлака и проблема ориентализма в британской иллюстрации первой четверти XX века / Д. Л. Лебедев // Художественная культура. – 2020. – № 2. – С. 100–123.

14. Баженова, А. Е. Влияние художественно-выразительных средств кинематографа на развитие иллюстрации детской сказки А. Е. Баженова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10(84). – С. 18–20.

15. Кошкина, О. Ю. Книжная графика как коммуникация / О. Ю. Кошкина // Символ науки. – 2016. – № 2-3(14). – С. 194–198.

16. Рашидов, Ж. Х. Способы интерпретации художественной литературы в книжной графике / Ж. Х. Рашидов // Проблемы современной науки и образования. – 2020. – № 2(147). – С. 104–108.

17. Самойлова, О. А. Некоторые тенденции в советской графике 1960-х годов / О. А. Самойлова // Научный альманах. – 2016. – № 3-4(17). – С. 372–376.

18. Ескина, Е. В. Советская книжная иллюстрация и неофициальное искусство конца 1950–1980-х гг. / Е. В. Ескина // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2012. – № 4. – С. 103–115.

Соколов Сергей Степанович – доцент кафедры культурологии и социологии, Челябинский государственный институт культуры (Челябинск), e-mail: sokovik49@mail.ru. ORCID 0000-0002-2151-2684

Зайкова Ольга Николаевна – доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: zaikova74@mail.ru. ORCID 0000-0003-3908-3870

Поступила в редакцию 15 марта 2021 г.

VISUAL PROJECTIONS OF HISTORICALLY-CULTURAL
CONTEXTS IN BOOK ILLUSTRATIONSS. S. Sokovikov¹, O. N. Zaikova²¹Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russian Federation²South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The artist, working to create book illustrations, mostly fulfills for his reader the function of visually-descriptive interpretation of the literature text. The basis of this interpretation is forming his own over-text, which is being created by him in virtue of discovering and understanding the undertone, depicted by the author. The artist's process of creating illustrations for literature texts is being influenced by the whole spectrum of socio-cultural contexts. The article is devoted to the search for a range of historical and cultural contexts that affect the creation of book illustrations.

Besides general social circumstances this process is being also sealed by more local contexts of diverse character: political, economic, artistic ones. Book illustrations reflect directly and indirectly visual and lexical aspects, modern cultural processes and, simultaneously, phenomena of the historical past. From one side, the artist is being influenced by actual cultural aspects, but, looking for expressive means, he often addresses stylistics of other epochs, historical past and its visual embodiments. Thus, the result of illustrating is interaction of cultural aspects both in synchronic and diachronic plane.

Keywords: socio-cultural contexts, cultural-historical past, visual artifacts, visual culture, visual sphere, visual images, visually-spectacular culture, book illustrations.

References

1. Bahmann-Medik D. Rezhimy tekstual'nosti v literaturovedenii i kul'turologii: vyzovy, granicy, perspektivy [Modes of Textuality in Literary Criticism and Cultural Studies: Challenges, Limits, Perspectives]; per. s nem. K. Bandurovskogo // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2011. № 1. S. 32–48.
2. Borshch E.V. Priemy vizual'noj interpretatsii literaturnogo teksta vo francuzskoj knizhnoj illyustratsii XVIII veka [Techniques of Visual Interpretation of Literature Text in French Book Illustration of the 18th Century] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya. Iskuststvovedenie»*. 2009. № 10(148). Vyp. 30. S. 168–173.
3. Abdrashitova I.V. Prolegomeny k filosofii illyustratsii [Prolegomena to the Philosophy of Illustrating] // *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo*. 2015. № 3. S. 5–19.
4. Mahashvili G.D. Problema celostnogo vzaimodejstviya soderzhaniya literaturnogo teksta i vizual'nogo obraza knigi na primere knizhnoj grafiki D. S. Bisti [The Problem of Integral Interaction of the Literature Text Context and the Visual Image of the Book with the Example of the Book Graphics by L.S.] // *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela*. 2008. № 6. S. 125–133.
5. Rzhetskaya E.A. Knizhnaya grafika K.A. Somova parizhskogo perioda v kontekste evropejski izdaniy [Book Graphics by K.A. Somov of the Paris Period in the Context of European Editions] // *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGHPA*. 2011. № 2 S. 113–125.
6. Ivanova O.G. Aktual'nost' vossozdaniya tvorcheskogo metoda hudozhnikov-grafikov HKH veka v sovremennoj illyustratsii [Actuality of Reconstruction of the Creative Method by the Graphics Artists of the 20th Century in the Modern Illustration] // *The progressive researches science & genesis*. 2014. № 1. S. 84–90.
7. Kazakova S. Samoreklama Vasiliya Kamenskogo [Vasiliy Kamenskiy's Self-Advertisement] // *Media-Al'manah*. 2017. № 3(80). S. 130–139.
8. Arutyunyan YU.I. Obrazy Srednevekov'ya v otechestvennoj knizhnoj grafike poslednej chetverti XX–XXI vekov [Images of Middle Ages in the Domestic Book Graphics of the Last Quarter of the 20th – 21st centuries] // *Novoe iskusstvoznanie. Istoriya, teoriya i filosofiya iskusstva*. 2019. № 1. S. 44–52.
9. Sokovikov S.S. Pokaz i rasskaz: o vzaimodejstvii vizual'no-zrelishchnykh obrazov i literaturnogo teksta [Demonstration and Narration: about Interaction of Visually-Spectacular Images and Literature Text] // *Kul'turnyj kod*. 2020. № 2. S. 7–16.
10. Sycheva L.V., Saratova M.V. Grafika Dostoevskogo kak sredstvo vizualizatsii obraza [Graphics by Dostoevskiy as Means of Image Visualization] // *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki*. 2019. № 2(33). S. 48–53.

11. Abashev V.V., Abasheva M.P. «Dlya menya eto predmet osobo vlekushchij...»: o vizual'nom voobrazenii Pavla Bazhova [«For me this Subject is Especially Inductive...»: about Pavel Bajov's Visual Imagination] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2020. T. 22, № 2(198). S. 126–137.
12. Baranov D.A. Osobennosti hronotopa skazochного mira v tvorchestve I. Bilibina [Peculiarities of Chronotopos of the Fairy-Tale World in I. Bilibin's Creative Work] // *Kunstkamera*. 2019. № 1(3). S. 83–93.
13. Lebedev D.L. Knizhnaya grafika Edmunda Dyulaka i problema orientalizma v britanskoj illyustracii pervoj chetverti XX veka [Edmund Dulac's Book Graphics and the Problem of Orientalism in the British Illustration of the First Quarter of the 20th Century] // *Hudozhestvennaya kul'tura*. 2020. № 2. S. 100–123.
14. Bazhenova A.E. Vliyanie hudozhestvenno-vyrazitel'nyh sredstv kinematografa na razvitie illyustracii detskoj skazki A.E. Bazhenova [Influence of Artistically-Expressive Means of Cinematograph on Development of Illustration of Childish Fairy-Tale by A. E. Bajenov] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 10(84). S. 18–20.
15. Koshkina O.YU. Knizhnaya grafika kak kommunikaciya [Book Graphics as Communication] // *Simvol nauki*. 2016. № 2-3(14). S. 194–198.
16. Rashidov Zh.H. Sposoby interpretacii hudozhestvennoj literatury v knizhnoj grafike [Ways of Interpretation of Belles-Letters in Book Graphics] // *Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya*. 2020. № 2(147). S. 104–108.
17. Samojlova O.A. Nekotorye tendencii v sovetskoj grafike 1960-h godov [Some Tendencies in Soviet Graphics of the 1960-s] // *Nauchnyj al'manah*. 2016. № 3-4(17). S. 372–376.
18. Eskina E.V. Sovetskaya knizhnaya illyustraciya i neoficial'noe iskusstvo konca 1950–1980-h gg. [Soviet Book Illustration and Non-Official Art of the End of the 1950–1980] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 2012. № 4. S. 103–115.

Sergey S. Sokovikov – associate professor of the Department of Culturology and Sociology, Chelyabinsk, State Institute of Culture and Arts (Chelyabinsk), e-mail: sokovik49@mail.ru

Olga N. Zaikova – associate professor of the Department of Journalism, Advertising and PR, Chelyabinsk, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: zaikova74@mail.ru

Received March 15, 2021

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Соковиков, С. С. Визуальные проекции историко-культурных контекстов в книжных иллюстрациях / С. С. Соковиков, О. Н. Зайкова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 67–76. DOI: 10.14529/ssh210209

FOR CITATION

Sokovikov S. S., Zaikova O. N. Visual Projections of Historically-Cultural Contexts in Book Illustrations. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 67–76. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh210209